

Предисловие автора

Эта небольшая книга получила признание. С первой публикации книга была переведена на французский, венгерский и сербский языки, но помимо официальных переводов, согласованных с автором, книга была подпольно издана на японском, русском, иврите и идише. После публикации книга выдержала не одно испытание критикой и получила множество отзывов, как положительных, так и отрицательных, возродив тем самым общественную дискуссию о происхождении и сущности государства.

Некоторые влиятельные этнологи, в частности нынешний министр иностранных дел Финляндии Рудольф Холсти, выступили с серьезной критикой идеи и тезисов, сформулированных в данной работе, но потерпели поражение, столкнувшись с тем, что их определение «Государство» содержит массу положений, требующих доказательств. Критики собрали множество фактов в качестве подтверждения существования различных форм «Власти» (даже в бесклассовых обществах) и присвоили этим формам название «Государство». В мои намерения не входит опровержение этих фактов, так как **даже в небольшой группе людей в той или иной форме существует «Власть», которая разрешает возникающие конфликты и принимает на себя руководство во время чрезвычайных ситуаций. С моей точки зрения, наличие подобных форм «Власти» не тождественно существованию «Государства», и я определяю «Государство» с позиции доминирования одного общественного класса над другими.**

Подобная классовая структура может возникнуть только одним образом — путем завоевания власти одной общественной группой и навязывания своей воли «пораженным» группам граждан (при необходимости справедливость такого подхода по определению доминирования какой-либо группы можно подтвердить с математической точностью), и ни один из критиков не привел каких-либо аргументов, опровергающих этот тезис. Тем не менее, не-

смотря на критику, большинство же современных социологов, среди которых можно выделить Альбиона Смолла, Альфреда Фиркандта и Вильгельма Вундта, разделяют представленные мной тезисы. Так, к примеру, Вильгельм Вундт заявляет, что «политическое общество» (термин, наиболее близкий по смыслу понятию «государство», использованному в данной книге) впервые возникло и может вообще возникнуть только в периоды миграций и завоеваний», — иными словами, политическое общество может возникнуть только в результате насилия и подчинения человека — человеку.

Некоторые из оппонентов все же склоняются к моим аргументам, как это случилось с почтенным Адольфом Вагнером, чьи слова я с гордостью привожу здесь. В своей статье «Государство», опубликованной в *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, Вагнер пишет: «Социологическая концепция государства, о которой упоминалось ранее, и ее трактовка Оппенгеймером заслуживают наиболее пристального внимания — особенно со стороны экономистов и историков. Предложенная трактовка будет полезна даже ее активным критикам, так как она дает ключ к пониманию экономического развития народов и государств».

В настоящее время «Социологическая концепция государства» Людвиг Гумпловича, несмотря на ожесточенную критику, пользуется широкой поддержкой определенных общественных групп, которые я называю не иначе как «социологическим корнем Зла». Тем не менее концепция Людвиг Гумпловича представляет собой один из базовых элементов «буржуазной социологии», рассмотрение и оценка которого будут проведены в данной работе с точки зрения экономики, истории, права и конституционного развития, и здесь я позволю несколько пояснений и комментариев по этому вопросу.

Самые ранние свидетельства признания идеи, лежащей в основе «закона первоначального накопления капитала», можно проследить до периода распада классической цивилизации, когда развитие капиталистической рабовладельческой экономики стало причиной чрезмерного роста

общественного потребления и привело к гибели городов. Эпоха современного капитализма во многом напоминает период классических цивилизаций — сейчас, так же как и в те далекие времена, наметился раскол в устоявшихся общественных отношениях, которые до определенной степени защищали простого человека. То, что Фердинанд Тённис называет «общественными связями», было утрачено. Совершенно неожиданно объединяющие ранее людей «духовные скрепы» теперь пропали, и обычный человек оказался совершенно незащищенным, вынужденным рассчитывать только на свои силы в атмосфере жесточайшей конкуренции. Общинное самосознание и жизненный опыт многих поколений больше не могли ни обеспечить безопасность человека, ни управлять его поступками, — наступило время индивидуализма и «атомизации общества». В свою очередь индивидуализм и атомизация приводят к появлению идей национализма («национального достоинства»). Идея национализма сначала имела свое обоснование как линия развития и метод во вновь возникшей науке социального управления; но, когда позже это стало тем, что Рубенштейн (в своей работе «Романтический Социализм») уже называет «тенденцией», этому не нашлось обоснования. Понятие «Община» в тот момент, под влиянием идей Фердинанда Тённиса, преобразуется в «Общество».

При этом единственной «скрепой», поддерживающей общественные отношения, становится «общественный договор» — своего рода социальный «контракт», основанный на рациональном подходе Жан-Жака Руссо и его труде «Об общественном договоре». Таким образом, «общество» новой формации становится добровольным объединением индивидов, которые за счет объединения усилий рассчитывают удовлетворить свои потребности. В свое время Аристотель высказывал идею о том, что государство развивается из семьи, а стоики и эпикурейцы считали, что государство формируется за счет воли отдельных индивидов. Необходимо, правда, отметить, что стоики считали, что индивид объединяется с «обществом» в силу своей человеческой приро-

ды, а эпикурейцы придерживались той точки зрения, что индивид объединяется с «обществом» в силу своей антисоциальной предрасположенности. Следовательно, под «человеческой природой» стоики понимали мирное сосуществование, тогда как эпикурейцы под определением «человеческая природа» воспринимали войну «всех против всех» и, отталкиваясь от такого определения, выводили необходимость наличия «общества» для предотвращения войны до полного истребления и достойного образа жизни (*modus vivendi*). Стало быть, в одном случае появление «общества» обусловлено его внутренней «природой» (*physei*), а в другом случае — неким внешним указом, «законом» (*nomo*).

Несмотря на фундаментальные различия между двумя этими школами, они исходили из одного тезиса, что первоначально люди обладали личной свободой и были равны в экономическом и политическом отношениях и что именно из такого социального порядка сформировалось «Государство» с его развитой иерархией классов. Именно такой подход лежал в основе «закона о первоначальном накоплении капитала»*.

Нам суждено ошибиться, если мы станем полагать, что данный тезис («естественное развитие») обусловлен историческим развитием, — такой рационализм, по сути, не просто неисторичен, он антиисторичен. Напротив, этот тезис был изначально предложен как «фикция», только в качестве некоего теоретического «допущения», не имеющего никакого исторического подтверждения и не подкрепленного никакими историческими фактами, но со временем этот тезис претерпевает изменения и становится широко известен под названием «естественное право». Именно в этом качестве тезис стал частью современной философии и прослеживается в работах «стоиков» Гуго Гроция**

* Иначе как «закон естественного поступательного развития». — *Прим. перев.*

** Гуго Гроций — в начале XVII столетия ввел современную идею естественного права человека. Гроций утверждал, что каждый человек имеет естественные права, включая самосохранение, и использовал эту идею как основу для морального консенсуса

и Самуэля фон Пуфендорфа, а также «эпикурейца» Томаса Гоббса*. Иными словами, данный тезис стал философским оружием мысли третьего сословия, «оружием буржуазии» и набирающего силу капитализма.

Поначалу капиталисты использовали свое оружие против феодального государства с его системой привилегированных классов, а затем — против рабочего класса, вооруженного социалистическими теориями о классовой борьбе. В противостоянии с феодальной системой теории

против религии. Он стремился найти простое основание морального начала общества, своего рода «естественное право», которое все могли бы потенциально принять. Он зашел настолько далеко, что говорил, что если даже признать, что никакого Бога нет, то эти законы оставались бы в силе. Идею считали разжигательной, так как она предполагала, что власть в итоге может вернуться к народам, пытающимся уберечь себя, если созданное ими политическое государство утратит свою цель, для которой оно изначально создавалось. Кроме того, Гроций вывел социальную аксиому: человек по своей природе — свободное существо, предназначенное для свободной жизни в социальном сообществе. Эта аксиома настолько сильно противоречила тому, что сложилось на практике, что в ней содержался глубокий революционный смысл. — *Прим. перев.*

* *Томас Гоббс* — один из основателей «договорной теории» происхождения государства. Основой порядка считал «естественный закон» — стремление человека к самосохранению благополучия и удовлетворению потребностей. Принцип поведения человека объясняется им как стремление приобрести больше благосостояний и избежать больших страданий. Государство Гоббс рассматривает как результат договора между людьми, положившего конец естественному догосударственному состоянию «войны всех против всех». Понятие «Общественного Договора» Томаса Гоббса подразумевает, что люди отказываются от своих собственных «естественных прав» и «собственного суверенитета» в пользу государства и его «государственного суверенитета», чтобы обеспечивать, таким образом, свои «естественные права» и собственные интересы при помощи государственного посредничества и посредством государственного покровительства, что, в современном философском представлении, обосновывается как государственный патернализм. — *Прим. перев.*

капитализма настаивали на том, что «естественное право» не признает привилегий, а после революций в Англии (1648) и Франции (1789) «естественное право» использовалось в качестве аргумента о социально-экономическом превосходстве капитализма и для снижения влияния рабочего класса. В борьбе против рабочего класса теоретики капитализма исходили из того, что, согласно теории Адама Смита, формирование общественных классов является результатом «естественного развития» общества, когда лучшее общественное положение занимают наиболее предприимчивые, экономные и удачливые граждане. Ну а поскольку перечисленные добродетели, конечно, в первую очередь относятся к буржуазному обществу, функционирующему на основе капиталистического права (при этом капиталистическое право исходит из «естественного права»), они должны восприниматься как данность. Следствием подобных умозаключений теоретиков капитализма стало полное отвержение социалистических идей.

Таким образом, тезис, представленный изначально только в качестве «допущения», постепенно трансформировался в гипотезу и со временем оформился в качестве аксиомы буржуазного общества, которая не требует доказательств. Приверженцы тезиса «естественного развития» придерживались мнения о том, что доминирование одного класса стало результатом органического развития общества, когда на фоне личной свободы и всеобщего равенства один из общественных классов перехватывает инициативу в общественных отношениях. **При этом приверженцы тезиса «естественного развития» даже не рассматривали возможность закрепления доминирования одного класса над другим посредством насильного внеэкономического принуждения.** Роберт Мальтус, к примеру, утверждал, что в силу закона «естественного развития» любые виды социализма представляют собой не более чем Утопию, а знаменитый закон Мальтуса о народонаселении являет собой не что иное, как закон первоначального накопления капитала, спроецированный в будущее. При этом Мальтус утверждал, что в силу

действия закона «естественного развития» любые попытки восстановления «экономического равенства» заранее обречены на провал, — неудивительно, что все ортодоксальные социологи выступали резко против подобной трактовки теории формирования общественных классов. Но, несмотря на все усилия социологов, пытающихся опровергнуть аксиому формирования общественных классов на основе «естественного развития», успевшую пустить крепкие корни, **в итоге выяснилось, что общественные классы сформировались в результате насилия и подчинения, а не при условиях равной и мирной экономической конкуренции.**

Принимая во внимание, что «родиной» капитализма и социализма была Англия, не вызывает никакого удивления, что первые признаки этих социальных явлений проявились именно в этой стране. В качестве примера можно взять лидера английских «истинных левеллеров» Джерарда Уинстенли, известного своими действиями против правящего класса сквайров во времена Оливера Кромвеля, являющего собой прекрасный образчик несостоятельности антиисторических подходов. Рассматривая пример Джерарда Уинстенли, можно обнаружить конфликт между правящим классом сквайров, основную массу которого составляли потомки норманнских завоевателей, и «угнетенным» классом англосаксов. Однако, как известно, деятельность Джерарда Уинстенли не имела особого успеха, и со временем о ней просто забыли, а очередной всплеск интереса к вопросу о классовом устройстве общества пришелся на Французскую революцию. На этот раз в качестве трибуна выступил граф Анри Сен-Симон — один из основателей современной социологии и утопического социализма, обнаруживший, что доминирующий класс во Франции состоит из потомков франкских и бургундских завоевателей, который «угнетает» класс романизированных кельтов. Собственно говоря, с публикаций Сен-Симона берет начало западноевропейская социология. Идеи Сен-Симона получили дальнейшее развитие в работах Огюста Конта, Сент-Аман Базара и Бартеlemi Анфантена, оказавших

огромное влияние на социально-экономическое развитие общества, но главный вклад этих выдающихся мыслителей заключался в разработке социологической концепции права и государства.

Новые социологические концепции были хорошо восприняты в странах Западной, нежели Восточной, Европы. Причина столь разного восприятия между странами Западной и Восточной Европы кроется в том, что граница между «обществом» и «государством» в странах Восточной Европы была проведена не столь явно, как в странах Запада. Но, даже несмотря на теплый прием новых социологических концепций в Западной Европе, наибольшее распространение они получили в Великобритании, Франции, Нидерландах и Италии — странах, где «третье сословие» заняло привилегированное положение, заменив собой старое феодальное «государство». Во Франции, например, результаты действий союза роялистов и буржуазии представляют собой пример «усмирения» мятежной аристократии и укрепления королевской власти, а в оборот вводятся понятия «нация» и «народное хозяйство», вместо «политической экономии». Объясняется это тем, что представители третьего сословия считали себя субъектом государства, права и свободы которого уравнивались правами и свободами двух других привилегированных классов — аристократией и духовенством. **Третье сословие, таким образом, провозгласило наличие прав «общества», противопоставив его тем самым «государству», — с этого момента начинается противостояние «естественного права», в основе которого лежат понятия свободы и равенства, с «наследственным правом», лежащим в основе феодального государства. Впервые идея отделения «общества» от «государства» появляется в работах Джона Локка* и получает дальнейшее**

* *Джон Локк* — выдающийся философ эпохи Просвещения, представитель школы «стоиков». Локк различал у человека естественное состояние, гражданское состояние и состояние деспотизма. Естественное состояние — состояние полной

развитие в работах различных экономистов, и в особенности в трудах физиократов.

В противостоянии идей и классов страны Центральной и Восточной Европы практически не принимали участия. Так, к примеру, в Германии был сложившийся класс крупных капиталистов, особенно во времена домов Фуггеров и Вельзеров, но религиозные войны и вторжения французов в шестнадцатом и семнадцатом веках превратили Германию в выжженную пустыню. Германия, таким образом, была не более чем рядом свободных городов и удельных княжеств, которыми безраздельно правила наследственная аристократия. Ремесленники свободных городов объединялись в специальные лиги, представлявшие их интересы, тогда как оставшаяся часть населения городов была представлена студентами университетов и университетской администрацией. В значительной степени ремесленники, студенты и университетская администрация зависели от государства — ремесленники находились на привилегированном положении в обществе, что их полностью устраивало, представители университетской администрации вообще считались государственными служащими, а студенты причислялись к элите общества. По причине подобного положения вещей в Германии не было экономической или социальной подоплеки для появления третьего сословия,

свободы и равенства при распоряжении своей жизнью и имуществом. Право на собственность является естественным правом; при этом под собственностью Локк понимал жизнь, свободу и имущество. Свобода, утверждал Локк, существует там, где каждый признаётся «владельцем собственной личности». Государство, считал Локк, — результат совместного «общественного договора», основанного на согласии всех граждан. Власть, однако, дается государству исключительно для сохранения достоинства граждан, для сохранения общей свободы и благосостояния. Состояние деспотизма хуже, чем естественное состояние, потому что в последнем каждый может защищать свое право, а при деспотизме он не имеет этой свободы. Локк считал правомерным и необходимым восстание народа против тиранической власти. — *Прим. перев.*

а ветры борьбы классов и идей заносились в Германию через набиравшее силу литературное движение — именно этим объясняется тот факт, что в сознании немецкого народа не было четкого разделения между понятиями «государство» и «общество». Более того, эти два термина вообще использовались в качестве синонимов, что отражало истинное положение дел в немецком обществе.

Помимо исторического наследия была еще одна причина в разнице восприятия понятий «общество» и «государство» между странами Западной, Центральной и Восточной Европы: в Англии и Франции еще со времен Декарта установилась практика, когда вопросами философии и социологии активно занимались математики и естествоиспытатели, а в Германии этими вопросами занимались исключительно представители духовенства, и в особенности протестантские богословы. В итоге это привело к тому, что под влиянием духовенства в Германии сформировалось представление о «божественной сущности государства», из которой прямо следовала необходимость слепого повиновения государству.

Вершиной немецкой классической философии стала система Гегеля, развившего идеи Канта, Фихте и Шеллинга. Таким образом, на протяжении долгого времени в Европе существовали две параллельные системы мысли — западноевропейская социология и немецкая философия, которые иногда пересекались. Идеи Иоганна Альтузия и Самуэля Пуфендорфа, например, нашли применение в развитии концепции «естественного права» в Англии, Франции и Голландии, а Гегель в своих работах использовал идеи Руссо. Однако не всегда дело ограничивалось только эпизодическим заимствованием идей у своих «смежников», в истории были и более удачные примеры взаимного обмена идеями. Так, в 1840 году один из самых одаренных учеников Гегеля — Лоренц Штейн, ставший впоследствии одним из ведущих немецких мыслителей в области административного права, приехал в Париж для ознакомления с идеями социалистов, где лично по-

знакомился с Бартелеми Анфантенем, Сент-Аман Базаром, Луи Бланом, Мари Рейбо и Прудоном.

В Париже Лоренц Штейн с энтузиазмом воспринял идеи французских деятелей, которые затем переработал сообразно своим представлениям, разбавив их немецкой метафизикой. Синтез идей, полученный в результате «скрещивания» идеалов французских социалистов с немецкой метафизикой, Штейн назвал «Наукой об обществе» (*Gesellschaftswissenschaft*). Необходимо особо отметить, что работы Штейна оказали влияние практически на всех немецких и австрийских мыслителей социалистической направленности — Карла Маркса, Альберта Шеффле, Отмара Шпанна и Людвиг Гумпловича.

В своей работе я уделяю наибольшее внимание исследованию вопроса социологической основы государства, а не стремлюсь проводить анализ исторических событий, и одной из первых проблем, с которой я столкнулся во время работы над книгой, стала путаница в терминологии. Дело в том, что западноевропейские мыслители уже давно не утруждают себя унификацией использованных терминов, и, например, как было показано выше, поначалу третье сословие во Франции считало себя «обществом», противостоящим «феодальному государству», но с появлением класса пролетариата ситуация принципиально изменилась, — теперь уже пролетариат стал считать себя «обществом», которое противостоит «буржуазному государству». Таким образом, в какой-то момент появились две абсолютно разные концепции «Государства», у которых, однако, была одна общая идея, которую разделяли и буржуазные, и социалистические теоретики, — «Государство» в понимании буржуазных и социалистических теоретиков представляет собой не более чем совокупность привилегий, появление и распределение которых *полностью противоречат* «естественному праву», тогда как «Общество» считается формой союза граждан, созданного *в полном соответствии с «естественным правом»*. Существенная разница в концепциях «Государства» буржуазных и социалистических теоретиков заключалась в том, что,

по утверждениям буржуазных теоретиков, «капиталистическое общество» уже стало результатом эволюционного развития «естественного права», тогда как социалисты заявляли, что реальным результатом эволюционного развития «естественного права» еще станет «общество будущего», в котором будет полностью уничтожена добавочная стоимость. **Несмотря на различия в концепциях буржуазных и социалистических теоретиков, и те и другие исходили из того, что «Государство» представляет собой безусловное «Зло», которому противостоит «Добро» гражданского общества*.**

Со временем существующие концепции буржуазных и социалистических теоретиков подверг переосмыслению Лоренц Штейн**, который, будучи учеником Гегеля и государственным деятелем, выдвинул теорию социального государства в качестве «высшей» (божественной и справедливой)

* Дословно: «Несмотря на то что обе стороны были в конфликте по основным позициям, они сошлись на том, что согласились рассматривать Государство как “civitas diaboli” и Общество как “civitas dei”». — *Прим. перев.*

** *Лоренц Штейн* — нивелировал задачи обеих спорных позиций как буржуазии, так и социалистов. Как гегельянец и самоотверженный продолжатель гегельянства, в то же время как выдающийся идолопоклонник государства и сторонник государственности, он задумал «Государство» как «civitas coelestis», или «поднебесный город» — богоподобное, наивысшее и наилучшее достижение из всех известных достижений человечества. В дальнейшем оно легло в основу его концепции «Государственного Социализма» и «социального государства всеобщего благосостояния». Общество же, под которым Штейн подразумевал господствующее тогда буржуазное общество, он стал рассматривать как недостойное, с точки зрения своих социалистических наставников и товарищей, и определил место общества как «civitas terrena», или «приземленный город» — незаслуженное, низшее и порочное состояние человека. При внимательном рассмотрении этатистской философии Штейна в отношении государства и общества, представленного враждующими классами буржуазии и социалистов, можно заметить обособление и потенциальное выделение им отдельного привилегированного класса государственных чиновников — «класса чиновников». — *Прим. перев.*

формы государственного устройства. Касаемо формы государственного устройства, в которой главенствующую роль занимает класс буржуазии, Штейн, с подачи своих социалистических наставников, считал «низшей» (несправедливой) и приземленной.

В понимании Штейна все то, что Платон считал «идеей», ранние физиократы — «естественным порядком», а англичане и французы — «Обществом», относилось к «Государству». С другой стороны, немцы считали «Обществом» все то, что физиократы, англичане и французы по причине «грубого материализма» относили к «Государству». По большому счету в этой терминологической путанице нет особого смысла, ввиду того что Штейн внезапно осознал, что теория Гегеля о государственном устройстве, основанная на правах и свободах, представляет собой лишь «идею», которой никогда не суждено сбыться в реальной жизни. Выводы Штейна в части общественных отношений, таким образом, сводились к тому, что эффективное развитие «Общества» ограничивается интересами узкой группы лиц.

Рассуждения Штейна посеяли сомнения в Германии, и скоро практически все немецкие социологи, за исключением Карла Дитцеля, пришли к пониманию того, что теория Гегеля о государственном устройстве умозрительна и импотентна и не могла применяться на практике. Она ни в коей мере не затрагивала ни реального исторического роста и ни в каком смысле не могла служить обоснованием для того, что подразумевалось под государством. Иными словами, сложилась такая ситуация, при которой произошел пересмотр понятия «Государство», а спустя какое-то время основоположники научного коллективизма и социального анархизма Карл Маркс и Михаил Бакунин соответственно, и в особенности Людвиг Гумплович, в своих работах полностью отказались от всей терминологии и понятийного аппарата Гегеля и стали использовать терминологию, общепринятую в Западной Европе.

В своей книге я также придерживаюсь общепринятой западноевропейской терминологии и под термином «Государст-

во» подразумеваю не скопление и не сообщество людей, в которое люди могут объединиться и которое может спонтанно возникнуть, как это принято считать*, а некую совокупность привилегий и доминирующих положений, являющихся результатом действий насильственной внеэкономической власти. В противоположность этому под термином «Общество» я понимаю совокупность понятий, входящих в число всех сугубо естественных человеческих отношений и общественных институтов между человеком и человеком, которые не смогут быть полностью реализованы до тех пор, пока последние остатки последствий той варварской «эпохи вторжений и завоеваний» не будут полностью исключены из общественной жизни человека. Что касается других исследователей, то они вправе называть любую форму руководства или правительства или какую-либо иную организацию — «Государство». Это вопрос личного выбора. Бесплезно спорить о различных определениях. Но еще лучше, если эти другие мыслители поймут, что они не опровергнут «социологическую идею государства» в том случае, если их понятие «государство», которое они развили, опирается на иное основание и не согласуется с данным в книге. Более того, они должны быть особенно осторожными и остерегаться опасности применения любого другого определения «государства», отличного от того, которое используется в данной книге, к тем фактическим историческим продуктам, которые до этой поры были названы как «государства», сущность, развитие, курс и будущее которых придется сперва обосновать любым достоверным учением о государстве или философией государства.

Доктор *Франц Оппенгеймер*,
профессор социологии и теоретической экономики,
Франкфурт-на-Майне, апрель 1922 г.

* В Восточной Европе, и в том числе в Германии. — *Прим. перев.*

Комментарии переводчика
к предисловию автора

а) Автор не отвергает существования «Общественного Договора», но уточняет, что данный договор всегда формируется правящим классом (формально или неформально, добровольно или насильственно — это уже другой вопрос). Например, если у нас Феодальное Государство, в котором правящим классом является военная (земельная) аристократия, то и «Общественный Договор» будет сформирован этой самой военной (земельной) аристократией, со всей ей полагающейся атрибутикой — иерархией сословий и правом наделения (землей).

б) «Общественный Договор» может быть изменен только в ходе «Классовой Борьбы» (если проще, то «Правящий Класс» никогда не отдаст свои собственные права «просто так», без борьбы, без боя), что, собственно, и произошло в Англии, Франции и Голландии, когда новый, только сформировавшийся «класс буржуазии» изменил существующий «Общественный Договор» в свою пользу и отстоял свои буржуазные, капиталистические права в борьбе против сословной аристократии и земельного «огораживания» (до буржуазных революций свободное распоряжение землей было невозможно).

в) Идея может быть побеждена только идеей, и если есть концепция существования «Феодального Государства», то ее можно победить только за счет другой идеи. Такой «новой идеей» в борьбе буржуазии против аристократии и духовенства (как пишет Ф. Оппенгеймер, — «оружием буржуазии») и стала эта концепция «Естественного Права», которая отрицала наличие любой иерархии сословий и сословной аристократии. При этом и, что очень важно, правильность и точность такой «новой идеи» — дело десятое, главное, чтобы ее в своем большинстве начали разделять все массы — население. Что, собственно говоря, именно и произошло с концепцией «естественного права», которая

ушла в народ и была там горячо поддержана всеми слоями населения. Поэтому автор и пишет о «вбросе» и «фикции» — будучи однажды запущенными в оборот, «вброс» и «фикция» могут начать жить в обществе, в народе своей собственной жизнью. То есть любая серьезная борьба начинается с борьбы идей в обществе и уже только потом завершается борьбой классов.

г) **«Классовая борьба» никогда не заканчивается**, как только (когда буржуазия победила) подписывается новый «Общественный Договор» (подписывается не мирно, а под давлением превосходства, власти, силы), — победившие «новички» стараются всеми силами удержать достигнутый в борьбе «статус-кво» и, с одной стороны, не отдать ранее завоеванные себе права обратно аристократии и духовенству, а с другой — не допустить переуступки своих прав в пользу нарождающегося нового «рабочего класса» — «пролетариата», который со временем начинает наступать победителям «на пятки».

д) **Таким образом, автор увязывает в единую систему «Естественное Право», «Общественный Договор» и «Классовую Борьбу»**, но обращает внимание на то, что именно она, «Классовая Борьба», является самым первичным и основным движущим фактором в системе, а не просто наличие некоего «Общественного Договора», как это было у Томаса Гоббса. Он (Т. Гоббс) писал, что все граждане как бы «добровольно» отказываются от своих прав и передают свои права Государству (заклучая таким путем «Общественный Договор»), чтобы получить некое покровительство их интересам и исключить, предотвратить «анархию» в обществе (состояние «войны всех против всех»). Здесь Оппенгеймер уточняет, что эта самая «передача» прав, их делегирование от Общества к Государству, происходит совсем не сразу, и вовсе не мирным путем, а посредством борьбы и насилия.

Александр Стихин,
переводчик